

Отзыв официального оппонента
о диссертации Сапрыкина Михаила Евгеньевича
**«Творческая позиция
Всеволода Некрасова в 1950-е – 2000-е гг.»**,
представленной на соискание
ученой степени кандидата филологических наук
по специальности 5.9.1. – Русская литература и литературы народов
Российской Федерации (филологические науки)

Представляемая диссертация посвящена творчеству Всеволода Некрасова – поэта, эссеиста, одного из основоположников «Второго русского авангарда» и «Московского концептуализма» – фигуры для русской литературы II-ой половины XX века во многом знаковой, олицетворяющей несколько социокультурных эпох, прошедшей путь от неподцензурных публикаций в ведущих отечественных самиздатовских периодических изданиях («37», «Часы» и др.) до широкого признания и присуждения премии имени Андрея Белого («За особые заслуги перед русской литературой» (2007)). Поддержим диссертанта в его стремлении рассмотреть наследие Вс. Некрасова комплексно, во всей его полноте, не вписывающейся, как справедливо указывает М.Е. Сапрыкин, в рамки отдельных литературных групп и направлений. Сразу оговоримся, что нам видится не совсем удачным избранное заглавие, которое позволяет диссертанту проследить взаимообусловленность поэтики и проблематики всего корпуса текстов Некрасова, но не отражает выявленную в работе поэтапную эволюцию художественного мира писателя, составляющую один из принципиальных пунктов новизны работы.

Актуальность диссертации определяется несколькими значимыми факторами. Прежде всего, подчеркнем тот огромный интерес, который испытывает новейшая отечественная культура ко всем проявлениям русского авангарда: соответствующие художественные выставки прошли в 2025 году во всех известных московских музеях (Третьяковской галерее, Музее

изобразительных искусств имени А.С. Пушкина, Музее русского импрессионизма, Зотов-центре). В научном плане изучение авангарда и неоавангарда, публикация архивов, уточнение роли и места неподцензурной литературы в культуре XX века, ее связей с предшественниками и современниками, ее влияния на современный литературный процесс относится к числу приоритетных задач гуманитаристики, которые применительно к творчеству Вс. Некрасова диссертант старается решить. Отметим также, что выбор диссертантом в качестве ключевой методологии литературной прагматики сообщает работе междисциплинарное измерение и обеспечивает ей продуктивный и адекватный предмету исследования ракурс.

Вслед за диссертантом оговоримся, что творчество Вс. Некрасова уже неоднократно попадало в фокус внимания критиков и литературоведов как неподцензурного периода, так и в постсоветской и современной России. По сути, накопленный объем знаний и наблюдений нуждался в обобщении, которое раскрыло бы эстетические принципы Вс. Некрасова не только в контексте «конкретизма», «концептуализма», «минимализма», «Лианозовской школы» и т.д., но во всем многообразии его художественных приемов, как поэтических, так и прозаических. В этом отношении новизна диссертации связана прежде всего со введением в научный оборот «многочисленных архивных текстов поэта: в первую очередь, ряда неопубликованных теоретических статей 1970–1980-х гг., а также ряда текстов полемического характера 1990–2000-х гг.» (С. 19), поскольку во многом на основе этих последних диссертант формулирует свою концепцию третьего этапа творческой эволюции Вс. Некрасова. Представленная в работе периодизация творческого пути Некрасова определяет ее новизну и научную ценность. Отметим также и важный для работы метаязыковой аспект, который позволяет по-новому проанализировать стихотворения Некрасова в русле самого широкого круга эстетических поисков (неоавангарда, структурализма, постмодернизма), свойственных отечественной неподцензурной культуре третьей трети XX века.

Композиция работы отражает ее внутреннюю логику. Трех основным периодам творческого развития Вс. Некрасова соответствуют три диссертационные главы. В первой главе «От «текста-утверждения» к «тексту-действию»: поэзия Вс.Н. Некрасова в 1950–1960-е гг.» рассматриваются произведения Некрасова «оттепельного периода»: от первых стихотворных опытов до формирования узнаваемого поэтического почерка автора (повторы, графические приемы, цитатность и т.д.). Данная глава представляется особенно примечательной в аспекте импонирующего нам утверждения диссертанта о том, что «на примере поэзии Некрасова доказывается более сложное, чем принято считать, устройство отношений между официальной и неофициальной литературой второй половины XX века: вместо бинарного противопоставления предлагается точка зрения, согласно которой официальный и неофициальный литературный процесс сосуществовали в сложной (порой противоречивой) связи друг с другом» (С.18). Действительно, по наблюдениям диссертанта, поэтика стихотворений Некрасова в сборнике «Ерунда сует» тематически «свидетельствует о родстве раннего поэтического творчества Некрасова с общими поэтическими тенденциями 1950-х гг.» (С. 32), и в этом отношении характерно, что Некрасов не избежал собственного творческого диалога с Маяковским, самым популярным «авангардистом» для поэтов оттепельного поколения. Но уже в это время закладываются те черты некрасовского идиостиля, которые потом станут «узнаваемыми»: использование фонических и графических приемов, интерес к пародии и, соответственно, к переосмыслению «чужого слова». В дальнейшем, обозначив оттепельный контекст как зону отталкивания, диссертант обращается к изучению поэзии Некрасова 1960-х годов уже в рамках неподцензурных объединений («Лианозовская школа») и неоавангардных экспериментальных поисков (лексический повтор, графический и проч. минимализм, нарушающие линейность текста и создающие возможности вариативного его восприятия, что будет крайне важно для Некрасова на следующих этапах творческой эволюции).

Во второй главе «Прагматика экологии: поэзия Вс.Н. Некрасова в 1970–1980-х гг.» содержится развернутая характеристика поэтической манеры (творческой позиции) Вс. Некрасова, данная с позиций литературной прагматики. Как справедливо отмечает диссертант, 1970-е годы заострили вопрос не столько о выживаемости неподцензурной литературы после окончания оттепельного периода, но о формах ее сохранения и возможных коммуникационных каналах распространения. (И здесь мы позволим себе не согласиться с М.Е. Сапрыкиным, принципиальной вехой называющим чехословацкие события 1968 года, а далее перечисляющего «отстранение А.Т. Твардовского от должности главного редактора журнала «Новый мир» (1970), высылку И.А. Бродского (1972) и А.И. Солженицына (1974) из страны, разгон при помощи тяжелой техники несанкционированной выставки неофициальных художников в Беляеве (1974)» (С. 75). Нам представляется, что в общей связи необходимо было бы указать процесс по делу А. Синявского и Ю. Даниэля (1966), посвященную ему «Белую книгу» А. Гинзбурга (1966), а также возникновение в 1968 году информационного бюллетеня «Хроника текущих событий», чьи задачи выглядели сходным образом: сохранение информации и попытка предания ее гласности. Мы понимаем, что рассматриваемые в диссертации неподцензурные журналы «37» и «Часы» выполняли литературно-художественные функции, свойственные институциям, называемым «толстые журналы», но существовали они в информационном поле неофициальной культуры с ее общими для политического (диссидентского) и эстетического контента горизонтальными связями). В том числе сформированным навыком чтения аналитических и критических статей может быть объяснено не только стремление неподцензурных поэтов к теоретизированию и филологическому осмыслению своего творчества, но и востребованность подобных текстов в «подпольной» периодике.

Поддержим диссертанта в его стремлении синхронизировать теоретические построения Вс. Некрасова и его художественную практику:

«Вряд ли возможно утверждать, что какая-либо из двух выделенных ветвей творчества — поэтическая и прозаическая — определяла другую; речь скорее идет о параллельных переменных: поиск новых творческих методов актуализировал размышления теоретического характера, которые в свою очередь определяли изменения поэтики» (С. 115-116). При этом нам не очень понятна логика диссертанта, обстоятельно отмежевывающего примененное им в названии главы метафорическое словосочетание «прагматика экологии» от современных Некрасову «писателей-деревенщиков», чьи произведения сейчас относят к экологической повестке, но в указанный период сами авторы этот термин по отношению к себе не употребляли. Мы понимаем, что диссертант использует современное расширительное значение, свойственное понятию «экология», что вызывает значительно меньше вопросов, чем попытка соотнести прямое и переносное понимание экологии применительно к литературному процессу 1970-х и творчеству Некрасова.

Диссертант уделяет большое внимание уточнению преемственных и синхронных взаимодействий поэтики Некрасова по отношению к модернистам и авангардистам первой трети XX века, а также концептуалистам, Я. Сатуновскому, Д.А. Пригову и др. Принципиальное отличие творческой установки Вс. Некрасова очень удачно определяется диссертантом как раз с помощью прагматики: «...прагматика художественного акта Некрасова направлена не только (и не столько) на деконструкцию советских речевых формул или советских типов сознания, но на переработку речи и на ее возвращение всякому участнику коммуникации в качестве потенциального поля для творчества» (С. 106).

В третьей главе «Прагматика нетерпимости: творчество Некрасова 1990–2000-х гг.» ценно, что М.Е. Сапрыкин рассматривает не только «неподцензурный этап» творчества Вс. Некрасова, но и подробно останавливается на его поздних постсоветских работах, отдельно оговаривая тот факт, что, несмотря на внезапно обретенные публикации, известность и даже влияние, поэт воспринял происходящий на его глазах «выход из

подполья» как своего рода «предательство прежних этических норм неофициальной культуры, что обусловило и ряд изменений в его творчестве» (С. 115). Вообще положительно отметим свойственную диссертации установку на восстановление социокультурного контекста творчества Некрасова, становящегося в концепции диссертанта одним из факторов эволюции художественной системы поэта. По наблюдениям диссертанта, именно в постсоветское время Некрасов презентует свою критику на литературных вечерах наравне с поэзией и осмысляет ее как неотъемлемую часть своего творчества: «...в 1990–2000-е гг. Некрасов воспринимает свою полемическую прозу как равнозначную стихам, то есть представляющую не меньшую или, порой, большую ценность для самого автора, и ставит этическое начало выше начала эстетического» (С. 148). Согласимся с диссертантом в том, что – парадоксальным образом – Некрасов остается верным себе как этически, отвергая складывающиеся постсоветские литературные иерархии на тех же основаниях, на которых неподцензурная отечественная культура отвергала культуру советскую, так и эстетически, используя в своих критических выступлениях уже опробованные в поэзии приемы (паронимическую аттракцию, нелинейную композицию, повторы и самоцитаты). Полемичность как качество творческого стиля распространяется в эти годы и на поэтические тексты Некрасова, что снова подтверждает концепцию диссертанта о глубинной соотнесенности поэтического и прозаического начал в художественной вселенной автора.

В целом, мы достаточно высоко оцениваем представленную работу, которая к тому же снабжена подробной библиографией публикаций произведений Вс. Некрасова (сборники, периодика), но выскажем и ряд замечаний. Отметим в качестве недостатков излишнюю в научной работе метафоричность названий глав, непрописанность новизны во введении, отсутствие поглавных выводов. Диссертант неоднократно сопоставляет творчество Некрасова с творчеством его современников, но при этом опускает напрашивающееся сравнение первого сборника поэта и образа лирического

героя в нем с ранними стихотворениями Евг. Евтушенко, а также не анализирует сборник «Живу вижу» в контексте его интермедиальной природы, ограничиваясь цитатой Некрасова о том, что его поэзия не нуждается в репродукциях (С. 155). Эти соображения не затрагивают концепции работы и не носят принципиального характера.

Обобщим вышесказанное: представляемая диссертация «Творческая позиция Всеволода Некрасова в 1950-е – 2000-е гг.» является актуальным, научно самостоятельным, значимым в теоретическом и практическом планах концептуальным исследованием, чьи положения, наблюдения и выводы должным образом обоснованы и доказаны. Ее содержание с необходимой полнотой отражено в автореферате и 4-х публикациях, оно соответствует специальности 5.9.1 – «Русская литература и литературы народов Российской Федерации», а также критериям, определенным пп. 2.1-2.5 Положения о присуждении ученых степеней в Московском государственном университете имени М.В. Ломоносова. Работа оформлена согласно требованиям Положения о совете по защите диссертаций Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, а ее автор, соискатель Михаил Евгеньевич Сапрыкин, заслуживает присуждения искомой ученой степени кандидата филологических наук по специальности 5.9.1 – «Русская литература и литературы народов Российской Федерации».

Доктор филологических наук по специальности 10.01.01– русская литература, профессор профессор кафедры русской литературы XX-XXI веков Института филологии федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Московский педагогический государственный университет»

Солдаткина Янина Викторовна

26.12.2025

Московский педагогический государственный университет
119991, Москва, ул. Малая Пироговская, д. 1, стр. 1
Тел. 8-499-2465712
E-mail: yav.soldatkina@mpgu.su
<http://www.mpgu.su/>